

Кулюкин С. Л. Явления телепатии и значение их в области основных психологических вопросов: По поводу соч. Камилла Фламмарiona *L'inconnu et les problèmes psychiques*. Paris, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 2. № 5. С. 200–227 (2-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Явленія телепатіи и значеніе ихъ въ области основныхъ психологическихъ вопросовъ.

По поводу сочиненія Камилла Флам-
маріона: „*L' inconnu et les problèmes
psychiques*“. Paris. 1900 г.

Въ прошломъ году извѣстный французскій астрономъ Ка-
милль Фламмаріонъ издалъ свое новое сочиненіе подъ за-
главіемъ, которое въ русскомъ переводѣ значитъ: „Невѣдо-
мое и психическія проблемы“. Нѣтъ ничего удивительнаго
въ томъ, что знаменитый ученый отъ звѣзднаго неба обра-
тился своимъ пытливымъ взоромъ къ загадочной области
нашей душевной жизни: помимо того, что истина — одна, и
уму, достаточно широкому и свободному отъ предразсуд-
ковъ, хочется знать, насколько то возможно, весь Божій
міръ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изученіе неба,
преимущественно предъ другими областями знанія, пробуж-
даетъ въ душѣ человѣка вѣчные вопросы о томъ, что та-
кое самъ онъ—человѣкъ, неужели все разлетится въ прахъ
съ его смертію, или душа наша переживетъ наше тѣло и
для нея могутъ быть доступны когда-либо все эти прелест-
ные звѣздные міры, кроткими разноцвѣтными огнями про-
никающіе, кажется, въ самую нашу душу..... Самъ Флам-
маріонъ, по крайней мѣрѣ, признается, что въ числѣ дру-
гихъ мотивовъ, склоняющихъ человѣка къ признанію неза-
висимаго отъ тѣла и безсмертнаго существа нашей души,
несомнѣнно нужно поставить и впечатлѣніе, производимое

на человѣка небомъ — „этой головокружительной громадой безпредѣльности и вѣчности, распростертой въ высотахъ звѣздной ночи“¹⁾..... И вотъ, въ поискахъ истины, астрономъ не боится написать и выпустить въ свѣтъ сочиненіе, цѣль котораго, по словамъ самаго автора, состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что „человѣческая душа существуетъ, какъ независимая отъ тѣла сущность, и что она живетъ и послѣ разрушенія нашего тѣла“²⁾. Авторъ прекрасно знаетъ, что невѣрующіе люди отнесутся къ этой задачѣ лишь съ недо-вѣріемъ и насмѣшками; но это не останавливаетъ его. Всегда среди людей находятся недоувѣрчивые люди, которые, разъ укрѣпившись въ какомъ-нибудь убѣжденіи, остаются глухи ко всему для нихъ новому и все считаютъ или обманомъ, или нелѣпостью, кромѣ того, во что они вѣрятъ сами. Флам-маріонъ приводитъ любопытные факты подобнаго умствен-наго окостенѣнія. Когда въ древней Греціи впервые была высказана мысль о томъ, что смѣна дня и ночи происхо-дитъ вслѣдствіе вращенія земнаго шара вокругъ своей оси, то эту мысль не могли принять ни знаменитый философъ Платонъ, ни столь же знаменитый математикъ Архимедъ. Мало того: даже сами астрономы Гиппархъ и Птоломей от-несли лишь съ насмѣшкой къ новому ученію о томъ, что земля наша вертится вокругъ своей оси! Но, можетъ быть, это не удивительно: было такъ давно, когда еще наука была въ младенчествѣ. Въ такомъ случаѣ, вотъ фактъ—недавній, изъ исторіи французской Академіи наукъ. Это было 11 марта 1878 года. Только что былъ изобрѣтенъ Эдиссономъ фоно-графъ т. е. приборъ, схватывающій звуки и затѣмъ пере-дающій ихъ послѣ вполнѣ сходно съ оригиналомъ. Въ за-сѣданіи Академіи 11 марта 1878 года и былъ показанъ фо-нографъ однимъ изъ агентовъ Эдиссона. И вотъ, когда фоно-графъ сталъ повторять сказанную фразу, одинъ изъ акаде-миковъ, почтенныхъ лѣтъ мужъ, вознегодовалъ на такую дерзость, бросился на представителя Эдиссона и схватилъ его за горло со словами: „Несчастный! насъ не одурачить чревовѣщатель!“ И даже шесть мѣсяцевъ послѣ того, тотъ-

1) C. Flammarion. L'Inconnu et les problèmes psychiques. Paris. 1900 г. Introduction, p. I.

2) Тамъ же, стр. 564.

же академикъ все еще заявлялъ, что въ фонографѣ онъ видитъ не болѣе, какъ обманъ слуха и что „металль не можетъ замѣнить благороднаго аппарата человѣческой рѣчи“¹⁾. Точно также, когда Лавуазье открылъ, что воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота, нашелся ученый, который не соглашался поступиться стариннымъ взглядомъ на четверицу простыхъ тѣлъ—огонь, воздухъ, воду и землю, — въ пользу новаго открытiя, и считалъ это открытiе не болѣе, какъ абсурдомъ; и это былъ не какой-нибудь профанъ, нѣтъ — это тоже былъ знаменитый химикъ Боме́, изобрѣтатель остроумнаго прибора для измѣренiя градусовъ спирта (ареометра)! Но и самъ вышеназванный Лавуазье тоже имѣлъ для себя камень преткновенiя въ ученiи объ аэролитахъ, т. е. падающихъ съ неба на землю камняхъ: когда одинъ такой камень наблюдали во всѣхъ подробностяхъ, подняли еще горячiй и принесли для изслѣдованiя во французскую Академiю наукъ, то Лавуазье въ своемъ рапортѣ прямо заявилъ, что паденiе съ неба камней „невѣроятно и недопустимо“²⁾. И нѣтъ, кажется, того изобрѣтенiя, той новой мысли или взгляда, которые бы не встрѣтили себѣ при своемъ появленiи ревнивыхъ противниковъ—отрицателей: открытiе профессоромъ Гальвани животнаго электричества, названнаго послѣ по его имени гальванизмомъ, встрѣчено было съ насмѣшками; изобрѣтатель пароходства, французъ Жюфруа, былъ встрѣченъ также съ недовѣриемъ; газовое освѣщенiе было принято уже послѣ смерти его изобрѣтателя—Филиппа Лебона, и множество другихъ тому подобныхъ примѣровъ. Чего же послѣ этого ожидать въ изслѣдованiи вопросовъ болѣе тонкаго свойства, чѣмъ осязаемые, видимые и слышимые—фонографъ, химическiе или электрическiе приборы, газовое освѣщенiе или пароходство? Съ какимъ недовѣриемъ можетъ быть встрѣчена какая-либо новая попытка въ изслѣдованiи вопроса о безсмертiи человѣческой души? И тѣмъ не менѣе, какъ сама истина не боится никакихъ насмѣшекъ или недовѣрiя, такъ и ея ревнителямъ нужно лишь изслѣдовать ее съ разныхъ сторонъ, чтобы постепенно приготовить ея полное торжество. Справедливо давно остав-

¹⁾ Тамъ же, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

лены доказательства существованія и безсмертія души, основанныя на понятіи о ея простотѣ и тождествѣ, ибо, чтобы пользоваться этой простотой и тождествомъ, надо сначала сдѣлать ихъ очевидными и безспорными, а это и составляетъ труднѣйшую часть задачи. Не лучше-ли обратиться къ живой, дѣйствительной жизни человѣка, чѣмъ оставаться въ сферѣ кабинетныхъ отвлеченностей, чтобы найти эту самую живую душу? Новѣйшіе романисты, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, давно поняли преимущества этого способа изученія человѣческой души, и реализмъ справедливо занялъ въ новѣйшихъ литературахъ господствующее и первое мѣсто. Но и наука психологическая видимо вступаетъ на тотъ же путь. Нѣмецкіе ученые, и изъ нихъ особенно Вундтъ, заняты экспериментальнымъ изученіемъ преимущественно психологіи познанія при посредствѣ нашихъ органовъ чувства; французскіе, и изъ нихъ извѣстный Шарко, изучаютъ опытнымъ путемъ вліяніе на волю и чувства человѣка внушенія и гипнотизаціи. И хотя неравномѣрно было бы поставить на ряду съ именемъ Вундта и Шарко имя Фламмаріона съ его вышеназваннымъ сочиненіемъ, но у Фламмаріона есть безспорно новое и оригинальное въ изученіи психологическихъ вопросовъ. Это—именно обращеніе съ запросомъ къ живымъ, дѣйствительнымъ людямъ всѣхъ странъ, званій, половъ. Запросы эти не остались безъ отвѣта. Изъ разныхъ странъ, націй и сословій получились отвѣты и сообщенія, числомъ, по словамъ Фламмаріона, свыше 1200 писемъ ¹⁾. Фламмаріонъ собралъ эти письма, разобралъ ихъ по предметамъ сообщенія, привелъ въ систему, по возможности подвергъ провѣркѣ и напечаталъ ихъ въ своемъ новомъ сочиненіи, о которомъ мы теперь и говоримъ. Разсмотрѣвъ ихъ—всѣ по отдѣльнымъ главамъ, соотвѣтственно предмету сообщенія, Фламмаріонъ и дѣлаетъ затѣмъ свои выводы по вопросу о существованіи и безсмертіи души человѣка. Что же это за сообщенія? О чемъ они говорятъ? Чтобы выразиться въ немногихъ словахъ, можно сказать, что въ общемъ всѣ эти сообщенія имѣютъ своимъ предметомъ такъ называемыя телепатическія явленія душевной жизни человѣка, или, иначе, способность человѣка къ телепатіи.

¹⁾ Тамъ же, стр. 580.

Конечно, всё́мъ извѣстно слово „симпатія“ — сочувствіе одной души къ другой. Слово „телепатія“ — того же корня, что и „симпатія“, и означаетъ тоже сочувствіе, но на далекое разстояніе по пространству и времени, при чемъ „сочувствіе“ надо понимать въ широкомъ смыслѣ душевнаго пониманія, вѣдѣнія, а не въ житейскомъ смыслѣ одной лишь расположенности или любви къ кому-нибудь. Дѣло въ томъ, что многочисленныя наблюденія показываютъ способность нашей души видѣть и знать, безъ помощи всѣхъ нашихъ тѣлесныхъ чувствъ, т. е., безъ помощи глазъ, ушей, и всѣхъ осязательныхъ ощущеній, и при томъ не стѣсняясь ни разстояніемъ на сотни и тысячи верстъ, ни временемъ будущимъ. Кажется, что это нѣчто чудесное и непонятное: какъ можно знать однимъ внутреннимъ чувствомъ, безъ всякаго внѣшняго сообщенія, что дѣлается далеко отъ насъ, или, еще болѣе то, что будетъ въ будущемъ? Да, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, это дѣйствительно нѣчто трудно понятное, невѣдомое. Несомнѣнно одно: душа наша имѣетъ какія-то невѣдомыя еще намъ силы и способности, которыя поистинѣ возвышаютъ ее надъ пространствомъ и временемъ. Факты, дающіе право на это заключеніе, бывають въ такомъ родѣ: больной, умирая за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своихъ близкихъ, въ моментъ своей смерти является такъ или иначе своимъ близкимъ, и они узнають поэтому о смерти своего родственника; или человѣкъ, сидя въ одномъ городѣ, ясно видитъ, что дѣлается съ такимъ-то человѣкомъ, находящемся въ другомъ городѣ, за нѣсколько сотенъ и болѣе верстъ; или во снѣ человѣкъ видитъ за много времени впередъ то, что случится послѣ, и событія точь-въ-точь совершаются такъ, какъ было предсказано сновидѣніемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, сообщаемыхъ Фламмаріономъ, чтобы уяснить себѣ явленія, о которыхъ мы говоримъ, и прежде всего изъ разряда тѣхъ явленій, въ которыхъ умирающіе извѣщаютъ о себѣ тѣмъ или инымъ способомъ своихъ далекихъ—близкихъ и знакомыхъ. Одинъ знакомый Фламмаріона, именно музыкантъ Андрей Блокъ, членъ французскаго астрономическаго общества, сообщаетъ Фламмаріону слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ Римѣ въ 1896 году.

„Это было, пишетъ Андрей Блокъ, въ іюнь 1896 года. Въ послѣдніе два мѣсяца моего пребыванія въ Италіи ко

мнѣ прибыла въ Римъ повидаться со мною моя мать и поселилась возлѣ самой Французской Академіи въ частномъ пансіонѣ на Грегорианской улицѣ, гдѣ жили и Вы сами, мой дорогой учитель. Такъ какъ въ это время мнѣ нужно было, прежде чѣмъ возвратиться во Францію, окончить одну работу, то моя мать, чтобы не мѣшать мнѣ, одна осматривала городъ и приходила ко мнѣ на виллу Медичи повидаться только къ полудню, къ обѣду. Но однажды я вижу—она пришла ко мнѣ въ восемь часовъ утра, вся взволнованная. На мои разспросы она отвѣтила, что, занимаясь своимъ туалетомъ, она вдругъ увидѣла рядомъ съ собою своего племянника Рене Кремера, который, смотря на нее и смѣясь, сказалъ: „Ну, вотъ я и умеръ“! Чрезвычайно испуганная этимъ явленіемъ, она поспѣшила пойти повидаться со мною. Я успокоилъ ее, на сколько могъ, и перевелъ разговоръ на другіе предметы. Пятнадцать дней спустя, немного попутешествовавши по Италіи, мы возвратились вмѣстѣ въ Парижъ и здѣсь узнали о смерти моего двоюроднаго брата Рене, унесшей его въ пятницу, 12 іюня 1896 года въ квартиру, которую занимали его родители на Московской улицѣ, въ домѣ № 31. Ему было 14 лѣтъ.

Благодаря одной работѣ, которую я исполнялъ въ Римѣ во время поѣздки моей матери, я могъ провѣрить числа мѣсяца, и даже часы, въ которые совершалось это явленіе. Но вотъ въ этотъ-то самый день, т. е. 12 іюня мой маленький двоюродный братъ, нѣсколько дней назадъ заболѣвшій воспаленіемъ брюшины, и впалъ въ агонію къ шести часамъ утра и умеръ въ полдень, не разъ высказавши желаніе видѣть свою тетю Бертю, т. е. мою мать.

Нужно замѣтить, что ни въ одномъ изъ многочисленныхъ писемъ, которыя мы получали изъ Парижа, намъ ни слова не говорили о болѣзни моего двоюроднаго брата, хорошо знали, что моя мать питала особенную симпатію къ этому ребенку, и что она вернулась бы въ Парижъ при малѣйшемъ его недомоганіи. Добавлю, что когда въ Парижѣ шесть часовъ утра, въ Римѣ часы показываютъ, вслѣдствіе разницы географической долготы мѣста, семь часовъ и что точь-въ-точь около этого времени моя мать видѣла свое видѣніе“ ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 70—71.

Приведемъ другой, не менѣе загадочный, случай, сообщенный Фламмаріону одной знакомой дамой (Фере изъ Живизи).

„Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, пишетъ мадамъ Фере Фламмаріону, восходитъ къ довольно давнему времени, но я помню его какъ со вчерашняго дня: такъ сильно онъ поразилъ меня, и проживи я сто лѣтъ, я не могла бы его забыть.

Это было во время Крымской войны въ 1855 году. Я жила тогда въ Пасси, на улицѣ Деметуръ. Однажды, въ часъ обѣда, около полудня, я спустилась въ погребъ. Черезъ отдушину въ погребъ проникалъ солнечный лучъ и освѣщаль землю. Вдругъ эта освѣщенная часть представилась мнѣ песчаной равниной на морскомъ берегу, и на этомъ пескѣ лежалъ распростертымъ мертвый человѣкъ, именно одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, батальонный командиръ. Испуганная, я не смогла двинуться далѣе впередъ, и съ трудомъ взошла на верхъ по ступенямъ лѣстницы. Семья моя, увидя мою блѣдность и смущеніе, обступила меня съ вопросами, и когда я рассказала свое видѣніе, стала надо мною смѣяться.

Спустя пятнадцать дней, мы получили печальную новость о смерти командира Солье: онъ умеръ при выходѣ на берегъ въ Варнѣ, и время его смерти соотвѣтствовало дню, въ который я видѣла его распростертымъ на пескѣ погреба“¹⁾.

Фламмаріонъ сообщаетъ очень много случаевъ, подобныхъ этимъ двумъ, только что приведеннымъ. Но не всегда извѣщенія о себѣ умирающихъ происходятъ въ такой именно формѣ: иногда слышится только голосъ ихъ, зовущій къ себѣ, или же какіе-либо внѣшніе предметы, неожиданнымъ движеніемъ, такъ или иначе, наводятъ мысль человѣка на то, что гдѣ-то далеко умираетъ близкій намъ человѣкъ. Вотъ два такихъ факта.

„22 января 1893 года я была вызвана, пишетъ одна дама Фламмаріону, къ моей 82-лѣтней теткѣ, которая заболѣла нѣсколько дней назадъ передъ тѣмъ.

Когда я прибыла, то нашла свою дорогую тетю въ агоніи и почти уже безъ языка; я помѣстилась у ея изголовья

¹⁾ Тамъ же, стр. 74—75.

чтобы не покидать ее. Около 10 часовъ вечера я сидѣла около нея въ креслѣ и не спала, какъ вдругъ услышала, что она съ изумительной силой назвала: „Люси! Люси! Люси! Я живо поднялась и увидѣла, что моя тетя совершенно потеряла сознание и хрипитъ. Десять минутъ спустя, она испустила послѣдній вздохъ.

Люція была другая племянница и крестница моей тетки, и она, по мнѣнію тети, недостаточно часто ее навѣщала, такъ какъ тетя жаловалась на это своей сидѣлкѣ.

Назавтра я сказала своей кузинѣ Люціи: „Вы должны были очень удивиться, когда получили депешу о смерти нашей тети“—„Нисколько“, отвѣчала она, „я нѣсколько ожидала этого“. Представьте себѣ, что въ прошлую ночь, около 10 часовъ, когда я крѣпко заснула, я внезапно пробудилась, услыжавъ, что моя тетя зоветъ меня: „Люси! Люси! Люси!“ и всю остающуюся часть ночи я не спала“ ¹⁾. Поразительный фактъ. Въ точности его сомнѣваться мы не смѣемъ, ибо Фламмаріонъ самъ проявилъ полную осторожность какъ въ выборкѣ фактовъ, такъ и въ ихъ провѣркѣ. Чтоже это такое? Умиравшій человѣкъ зоветъ къ себѣ отсутствующаго родственника троекратнымъ произношеніемъ его имени, и тотъ моментально слышитъ во всей точности этотъ зовъ, и просыпается отъ сна. Никакого физическаго посредства здѣсь не было, единственно, что здѣсь дѣйствовало, это душа умиравшей. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, душа одного человѣка непосредственно вошла въ соприкосновеніе съ душой другого, и это сообщеніе оказалось быстрѣе и вѣрнѣе всякаго другого, извѣстнаго наукѣ, матеріальнаго посредства, будь это электричество, свѣтъ или еще что другое. Какой возможенъ еще здѣсь поводъ для сомнѣній и недовѣрія? Сказать, что дѣйствуетъ какая-то неизвѣстная наукѣ сила въ родѣ электрической энергіи или свѣтовой, это тоже, что ничего не сказать, ибо нужно опредѣлить, что же это за сила и какія ея условія и свойства, а безъ этого опредѣленія, она остается какимъ-то темнымъ неизвѣстнымъ, о которомъ нельзя серьезно говорить. Съ другой стороны, внутреннему чувству cadaго человѣка вполне понятно то, что называется нами душою,

¹⁾ Тамъ же, стр. 107.

нашимъ самосознательнымъ „я“; но оно-то именно и дѣйствуетъ въ случаяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ. Такъ отчего же и наукѣ бояться этого слова и не сказать прямо, что отнынѣ, съ изученіемъ фактовъ телепатіи, душа человѣческая становится и для нея не однимъ предположеніемъ, а несомнѣнной реальностью, проявляющейся въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ? Дальнѣйшее изученіе фактовъ телепатіи сдѣлаетъ для насъ такой выводъ еще болѣе несомнѣннымъ. Вотъ еще одинъ фактъ, гдѣ извѣщеніе о себѣ умирающаго происходитъ хотя и не прямо въ видѣ явленія самаго лица умирающаго, но за то согласно съ его предувѣдомленіемъ о томъ напередъ, за нѣсколько времени до дня смерти. Именно, Кловисъ Гюгъ, французскій поэтъ, пишетъ Фламариону слѣдующее:

„Дорогой учитель и другъ! это было въ 1871 году. Я былъ тогда въ томъ возрастѣ, когда собираютъ на поляхъ цвѣты, какъ Вы собираете звѣзды въ безконечной вселенной.

Въ одно время, позабывъ о своихъ цвѣтахъ, я написалъ одну вещицу, которая стоила мнѣ нѣкотораго числа лѣтъ тюрьмы: такъ получаютъ неожиданные результаты въ дѣлахъ! Какъ бы то ни было, но я находился въ тюремномъ замкѣ Святаго Петра въ Марсели. Тамъ былъ также Гастонъ Кремье, осужденный на смерть. Я очень любилъ его, такъ какъ оба мы имѣли одни и тѣже мечты и попали въ одну и ту же дѣйствительность. Въ тюрьмѣ, во время прогулокъ, намъ случалось толковать о Богѣ и безсмертіи души, хотя отъ этого разговора и мало было проку. Въ одинъ день когда нѣкоторые товарищи съ необыкновеннымъ жаромъ высказывались въ атеистическомъ и матеріалистическомъ смыслѣ, я, по знаку Кремье, замѣтилъ имъ, что съ нашей стороны было мало деликатно высказывать эти ощущенія въ присутствіи осужденнаго на смерть человѣка, который вѣрилъ въ Бога и въ безсмертіе души. Тогда осужденный сказалъ мнѣ съ улыбкой: „Спасибо, мой другъ! Когда меня разстрѣляютъ, я приду къ Вамъ въ доказательство съ извѣщеніемъ въ Вашу камеру“.

Утромъ, 30 ноября, на разсвѣтѣ, внезапно я былъ разбуженъ отъ стука въ мой столъ легкими сухими ударами. Я перевернулся, стукъ прекратился, и я снова заснулъ. Спустя нѣсколько моментовъ, тотъ же самый стукъ возобновился

снова. Тогда я вскочилъ съ кровати и сѣлъ, вполнѣ проснувшись, къ столу: стукъ продолжался. Такъ повторилось еще разъ или два, все въ одной и той же обстановкѣ.

Каждое утро, вставши съ постели, я привыкъ отправляться, при участіи добряка-караульнаго въ камеру Гастона Кремье, гдѣ ожидала меня чашка кофе. Въ этотъ день, какъ и во всѣ другіе, я остался вѣренъ нашему дружескому *gen-dez-vous*. Но, увы! На дверяхъ камеры были печати, и бросивши взглядъ черезъ потайное окошечко, я убѣдился, что плѣнника тамъ не было. Едва я сдѣлалъ это странное открытіе, какъ добрякъ-караульный бросился въ мои объятія со слезами и сказалъ: „они разстрѣляли его сегодня утромъ на разсвѣтѣ; онъ умеръ мужественно ¹⁾“. И въ этомъ разказѣ нѣтъ никакого мѣста для недовѣрія и отрицанія. Разказчикъ, самъ тоже—арестованный, естественно, не могъ знать, въ какой день и часъ разстрѣляютъ его друга, товарища его по заключенію; слѣдовательно, его ожиданія не могли вызвать обмана слуха и при томъ въ тотъ именно моментъ, когда дѣйствительно и умиралъ подъ пулями его товарищъ. Что же производило эти стуки въ камерѣ Кловиса Гюга? Какъ ни страненъ этотъ фактъ, но несомнѣнно въ немъ одно: если умиравшій Кремье захотѣлъ исполнить свое обѣщаніе, извѣстить о своей смерти своего друга, то, такъ или иначе, непонятнымъ для насъ стукомъ, его душа вошла въ общеніе съ душой спавшаго мирнымъ сномъ Кловиса Гюга и нагляднымъ выраженіемъ того для Гюга должны были быть эти странные стуки въ столъ. Дѣло не въ томъ, были ли они дѣйствительные или только воображаемые: важенъ фактъ извѣщенія о смерти тогда именно, когда она и происходила,—извѣщенія, достигнутого безъ всякаго внѣшняго посредства, на разстояніи, однимъ таинственнымъ сношеніемъ души съ душой.

Хотя Фламмаріонъ сообщаетъ 180 случаевъ извѣщенія умирающихъ о своей смерти, и столько же еще случаевъ онъ оставилъ неизданными, ²⁾ но, полагаемъ, что и вышеприведенныхъ достаточно, чтобы ознакомиться съ явленіями этого сорта. Сверхъ того, несомнѣнно, многимъ и раньше

¹⁾ Тамъ-же, стр. 76—77.

²⁾ Тамъ же, стр. 216.

приходилось или самимъ испытывать такія же вещи, или, еще чаще слышать рассказы о томъ отъ другихъ. По наблюденіямъ Фламмаріона, изъ 20 человекъ можно встрѣтить одного, который или самъ испыталъ, или отъ другихъ слышалъ что-либо подобное. Итакъ, эти случаи извѣщенія умирающихъ о своей смерти не такъ рѣдки, чтобы ихъ нужно было оставлять безъ всякаго вниманія, какъ нѣчто исключительное и невѣроятное. Но все же, на первый разъ можетъ думаться, нѣтъ-ли здѣсь одного лишь простаго совпаденія, случайнаго совпаденія факта смерти съ тѣмъ, что кому-нибудь въ этотъ моментъ видится или слышится? Фламмаріонъ горячо возсталъ противъ такого предположенія, и, какъ кажется, вполне справедливо. Простымъ цифровымъ расчетомъ онъ опровергаетъ объясненіе приведенныхъ фактовъ однимъ случайнымъ совпаденіемъ. Если выразить въ среднемъ годовую цифру смертности отношеніемъ 22 къ 1000, то таже цифра для однихъ сутокъ будетъ въ 365 разъ меньше, т. е., на 16591 человекъ придется въ сутки одна смерть. Значитъ, если объяснять дѣло однимъ случайнымъ совпаденіемъ, и это совпаденіе ограничивать границами однихъ сутокъ, то изъ 16591 случаевъ смерти лишь одинъ случай извѣщенія умирающаго могъ бы быть объясненъ, безъ дальнѣйшихъ сомнѣній, одною случайностью. На самомъ же дѣлѣ, случаи извѣщенія умирающихъ о своей смерти, имѣютъ мѣсто гораздо чаще, чѣмъ одинъ разъ изъ 16591. Итакъ, здѣсь дѣло не въ случайномъ, а въ такомъ или иномъ причинномъ отношеніи души умирающаго къ душевному состоянію того, кому онъ является тѣмъ или другимъ способомъ“ 1). Конечно, при настоящемъ состояніи психологическихъ знаній, еще довольно трудно рѣшительно говорить о сущности этого отношенія. Тѣмъ не менѣе, Фламмаріонъ дѣлаетъ довольно вѣроятную догадку для объясненія, допуская существованіе „психологической силы истекающей изъ человѣческаго существа и способной дѣйствовать на большихъ разстояніяхъ“ 2). Дѣйствіе на разстояніи вообще замѣчается повсюду въ природѣ, и, можетъ быть, вслѣдствіе его всегдашней и большой распространенности мы и

1) Тамъ же, стр. 227—228.

2) Стр. 275.

не замѣчаемъ этого глубокаго по смыслу и поразительнаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое звукъ, свѣтъ, электричество, сила тяготѣнія? Не дѣйствуетъ-ли все это на разстояніяхъ, и при томъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезвычайно большихъ, какъ, напр., дѣйствуетъ свѣтъ? Какая, въ самомъ дѣлѣ, сила заставляетъ свѣтовые волны катиться съ непостижимой быстротой отъ великолѣпнаго Сиріуса или Полярной звѣзды до нашей маленькой планеты—Земли, чтобы попасть затѣмъ въ глазъ наблюдателя? Или почему обиліе солнечныхъ пятенъ въ иной годъ вызываетъ преимущественное колебаніе магнитной стрѣлки? Не чудесно-ли, не поразительно-ли, что такія громадныя разстоянія уничтожаются, уступая мѣсто для дѣйствія какой-то непонятной и могучей силѣ? Но не нужно далеко отходить человѣку и отъ самаго себя, чтобы натолкнуться на столь же чудесное и поразительное. Въ самомъ дѣлѣ, что такое моя мысль и воображеніе? Существуютъ-ли для меня здѣсь разстоянія и преграды? Не обслѣдуетъ-ли человѣкъ и прошедшее, и будущее, и далекое, и близкое, и большое, и малое? По истинѣ, это великая тайна-жизнь духа человѣческаго и явленія телепатіи, хотя представляютъ въ настоящее время достойную изученія задачу, но, вѣроятно, составляютъ лишь слабый авангардъ всѣхъ явленій духовной жизни, съ которыми когда-либо предстоитъ еще ознакомиться людямъ. Такимъ образомъ, прежде всего, дальность разстоянія, въ предѣлахъ которой могутъ происходить телепатическія явленія, не выходитъ изъ сферы явленій, распространенныхъ во всей остальной природѣ. Но и самый процессъ ихъ совершенія Фламмаріонъ думаетъ нѣсколько приравнять къ процессамъ электрическимъ, свѣтовымъ и подобнымъ, въ которыхъ механическая основа явленія состоитъ въ передвиженіи волнъ, или въ колебаніи вещества. Подобно тому, какъ звучащее тѣло производитъ воздушныя волны, которыя затѣмъ на большомъ разстояніи могутъ попасть въ ухо слушателя и произвести у него слуховое ощущеніе звука; или подобно тому, какъ свѣтовые волны эфира изъ-за милліоновъ миль попадаютъ отъ свѣтящаго тѣла въ глазъ наблюдателя и производятъ у него ощущеніе свѣта и образъ самаго свѣтящаго тѣла: такъ точно мозговыя колебанія одного человѣка могутъ на громадныя разстоянія передаваться другому чело-

вѣку и производить у него ту мысль или тотъ образъ, которыми произведены они были въ головѣ перваго человѣка. Всякое живое существо, говоритъ Фламмаріонъ, есть какъ бы очагъ силы. Нѣтъ мысли безъ соотвѣтственнаго колебанія мозга. Что же удивительнаго, если это колебаніе передается на извѣстное разстояніе, подобно тому, какъ это бываетъ въ телефонѣ, или, еще лучше, въ фотофонѣ. (передача словъ посредствомъ свѣта). и въ телеграфѣ безъ проводовъ“¹⁾. Такимъ образомъ, мысль умирающаго, устремленная на далекихъ родныхъ или друзей, выразившись опредѣленными колебаніями мозговыхъ частицъ, летитъ въ этихъ таинственныхъ колебаніяхъ по назначенному адресу и здѣсь, въ мозгъ другого человѣка, производитъ аналогичныя же колебанія, которыя для сознанія этого человѣка выражаются уже въ опредѣленныхъ образахъ и ощущеніяхъ зрѣнія, слуха, осязанія. Такъ возникаютъ телепатическія извѣщенія умирающихъ о своей смерти. Не нужно спѣшить заключать, что въ такомъ объясненіи этихъ явленій лежитъ матеріализація душевной жизни. Наукѣ еще ничего неизвѣстно объ этихъ предполагаемыхъ мозговыхъ колебаніяхъ, и, можно думать, во всякомъ случаѣ, что эти колебанія представляютъ собою нѣчто иное, чѣмъ колебанія электрическія, свѣтовые, звуковыя, и подобныя, намъ уже извѣстныя, ибо и теперь уже видно, что явленія мысленной передачи не связаны необходимостью столь опредѣленныхъ и ограниченныхъ условій, какія нужны для энергіи электрической, свѣтовой, звуковой и т. п. Но главное: всѣ эти колебанія частицъ мозга все же еще не то, что личное самосознаніе, наше внутреннее „Я“. Справедливо признается, что это двѣ стороны явленій, другъ на друга никакъ не сводящихся: съ одной стороны физіологическія явленія въ дѣятельности мозга, сопровождающіяся, можетъ быть, и мозговыми волнами за предѣлы мозга, летящими съ быстротой превышающей даже быстроту свѣтовыхъ волнъ; съ другой стороны— мое, непередаваемое никому и никакъ внутреннее самосознаніе, мое „Я“. Впрочемъ, Фламмаріонъ, дѣлая догадку о передающихся отъ одного мозга къ другому колебаніяхъ, очень остороженъ въ заключеніяхъ, и признаетъ за несом-

¹⁾ Тамъ же, стр. 277—278.

нѣнный выводъ изъ телепатическихъ явленій лишь то, что существуетъ психическая сила, для насъ еще неизвѣстная въ своихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. „Совокупность психическихъ фактовъ, говоритъ онъ, показываетъ, что мы живемъ среди невидимаго міра, въ нѣдрахъ котораго дѣйствуютъ еще невѣдомыя силы“ ¹⁾. Какъ бы то ни было, но строго провѣренныя и неоднократно наблюденныя факты позволяютъ сказать, что дѣйствіе души человѣческой на разстояніе составляетъ въ настоящее время одно изъ безспорныхъ положеній психологической науки. Телепатія должна отнынѣ стать однимъ изъ непремѣнныхъ отдѣловъ психологіи.

Кромѣ вышеприведенныхъ фактовъ, въ которыхъ умирающіе извѣщаютъ о своей смерти своихъ близкихъ и родныхъ, другой разрядъ фактовъ, относящихся сюда, составляетъ такъ называемое внушеніе или гипнотизація. Въ случаяхъ этого рода человѣкъ въ точности исполняетъ волю другого лица, хотя бы она не была передана ему никакимъ обычнымъ внѣшнимъ посредствомъ, т. е., ни словомъ, ни письмомъ, ни жестомъ, ни даже взглядомъ: достаточно, чтобы внушающій подумалъ или пожелалъ исполненія чего-нибудь, и тотъ, о комъ думаютъ, исполняетъ. Въ виду достаточной извѣстности опытовъ внушенія, приведемъ для примѣра лишь одинъ - другой случай. Фламмаріонъ передаетъ рассказъ доктора Дюссера, который каждый день давалъ одной своей пациенткѣ, подвергавшейся опытамъ магнетизаціи въ лѣчебныхъ цѣляхъ, приказъ спать на слѣдующій день до назначеннаго часа.

„Однажды, говоритъ докторъ Дюссаръ, я забылъ объ этой предосторожности, и вспомнилъ лишь тогда, когда былъ уже въ 700 метрахъ разстоянія отъ жилища больной. Не имѣя возможности возвратиться, я подумалъ, не будетъ ли услышано мое приказаніе не смотря на разстояніе, такъ какъ на разстояніи одного или двухъ метровъ оно было исполняемо. Поэтому я формулирую приказъ спать до завтра, до 8 часовъ, и продолжаю свой путь. Назавтра я прихожу къ больной въ половинѣ восьмого: она еще спала“. „Почему это, спрашиваю, Вы еще спали?“ — „Да, вѣдь, я исполняю

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 585.

Ваше же приказаніе“. — „Ошибаетесь, я ушелъ, не давъ Вамъ никакого приказа“. — „Правда, но пять минутъ спустя, я совершенно ясно услышала, что Вы мнѣ говорите спать до 8 часовъ“. Такъ какъ до этого именно часа я обыкновенно назначала ей, то могло быть, что здѣсь было одно простое совпаденіе и что по привычкѣ ей показалось, что я ей приказываю. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ и устранить всякое сомнѣніе, я приказалъ больной спать до тѣхъ поръ, пока она не получитъ приказа проснуться. Днемъ, улучивши свободную минуту, я рѣшилъ дополнить опытъ. И вотъ, я отправляюсь изъ дома къ больной—версть 6 слишкомъ разстоянія — и въ это время даю приказъ о пробужденіи: въ это время было два часа. Прихожу и нахожу больную проснувшейся: на мой вопросъ, родители ея сообщаютъ мнѣ точное время ея пробужденія и это какъ разъ было то время, когда я отдалъ приказъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ нѣсколько разъ и въ различные часы, и всегда давалъ тотъ же результатъ“¹⁾.

Насколько въ данномъ случаѣ поразительно полное подчиненіе воли пациентки волѣ доктора, — подчиненіе сознательно и нарочно практикованное докторомъ,—настолько же бываютъ поразительны и другіе случаи въ этомъ родѣ, въ которыхъ сношеніе одной души съ другой происходитъ внѣ ихъ нарочитаго намѣренія и безъ всякой мысли объ опытахъ. Вотъ одинъ такой фактъ:

„Одинъ французскій профессоръ медицинскаго факультета находился въ городѣ С.-Луи, въ Сенегалѣ, въ Африкѣ. Въ одно время онъ былъ укушенъ въ большой палецъ ноги однимъ мѣстнымъ насѣкомымъ, чрезвычайно опаснымъ, извѣстнымъ у европейцевъ подъ именемъ нигвы. Вслѣдствіе этого укуса, у доктора явилась сильная лихорадка, едва не унесшая его въ могилу и державшая его, по крайней мѣрѣ, въ теченіи 20 дней безъ всякаго сознанія. Но, вотъ нѣсколько часовъ спустя, послѣ того, какъ онъ лишился чувствъ, ему приносятъ телеграмму отъ его матери, бывшей въ это время во Франціи, съ запросомъ, что случилось съ докторомъ. Время отправленія телеграммы совпало съ временемъ обморока доктора. Когда впослѣдствіи докторъ выздо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 308—309.

ровѣль и пріѣхалъ во Францію, его мать рассказывала ему, что безъ всякой видимой причины, она вдругъ почувствовало какое-то безпокойство и по какому-то внушенію поняла, что ея сынъ подвергся большой опасности. Это впечатлѣніе было такъ сильно, что она тотчасъ же отправила телеграмму, чтобы получить отъ сына извѣстіе“¹⁾).

Послѣдній фактъ заставляетъ предполагать, что психическая сила, вызванная къ усиленной энергіи какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, какъ бы истекая изъ одного человѣка доходить до другого, и здѣсь, въ сознаниіи этого другого, производитъ такія представленія и мысли, которыя вызвали и у перваго субъекта усиленное душевное движеніе. Дѣйствительно, это-нѣчто похожее на самый быстрый телеграфъ безъ всякихъ проводовъ и внѣшнихъ средствъ. Если мы всмотримся въ ежедневную нашу обстановку, то каждый изъ насъ вспомнить не одинъ фактъ, похожій на то, что сообщаетъ Фламмаріонъ. Всѣмъ извѣстна поговорка: „легкокъ на поминъ“, а въ ней кроется указаніе на глубокой смыслъ телепатическихъ явленій. Кто въ этомъ случаѣ является первымъ и кто вторымъ? Тотъ-ли, кто подходитъ къ Вашей квартирѣ и сейчасъ войдетъ въ нее, своей психической силой вызываетъ и въ Вашей душѣ представленіе о себѣ, или, наоборотъ, Ваша усиленная о немъ мысль вызываетъ и его на воспоминаніе о Васѣ, и онъ находитъ предлогъ и дѣло идти къ Вамъ? Въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно взаимодействіе душъ. Точно тоже всякій вѣроятно испытывалъ случаи, когда, пристально посмотрѣвши на человѣка, удается заставить его обернуться и посмотрѣть на Васъ, или, наоборотъ, двоимъ субъектамъ приходится обернуться и посмотрѣть одновременно въ слѣдъ другъ другу. Или, думая о какой-либо возможной встрѣчѣ, приятной или непріятной -- все равно, вдругъ Вы и имѣете эту встрѣчу: очевидно, Вы какъ бы чувствовали уже присутствіе какой-то психической силы и это чувство вызвало у Васъ мысль о ней. Такого же рода и тѣ явленія, когда два человѣка въ одно и тоже время вдругъ думаютъ объ одномъ и томъ же и даже высказываютъ свою мысль одними и тѣми же словами и въ одинъ и тотъ же моментъ. По

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 325—326.

истинѣ, психологическая сила, является чѣмъ-то тонкимъ, пронизательнымъ, съ легкостью несущимся по пространству, съ поразительной точностью уловляющимъ время, способнымъ видѣть, слышать, знать—безъ посредства внѣшнихъ чувствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта способность становится по истинѣ ясновидѣніемъ: до такой степени ясно и точно душа человѣка освѣдомляется о далекихъ въ пространствѣ и времени событіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ эта способность получаетъ свое примѣненіе тогда, когда родственныя связи и любовь заставляютъ душу быть особенно чуткой ко всему тому, что вдалекѣ гдѣ-нибудь совершается или еще только имѣетъ совершиться съ родственными и любимыми лицами. Но бываютъ случаи, когда прозрѣніе имѣетъ предметомъ такъ сказать и безразличныя вещи, и это остается пока неразрѣшимой загадкой. Особенно поразительно бываетъ прозрѣніе во снѣ. Всякій согласится, что здѣсь уже человѣкъ совершенно гарантированъ отъ всякаго внѣшняго посредства къ познанію окружающаго: внѣшнія чувства почти совсѣмъ не дѣйствуютъ, по крайней мѣрѣ, въ глубокомъ снѣ, и воля не устремлена сознательно ни на что. И однако во снѣ часто прозрѣваются такія подробности, которыя могли бы быть узнаны лишь послѣ непосредственнаго и сознательнаго знакомства человѣка съ мѣстомъ, фактомъ и лицами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такого прозрѣнія. Одно лицо изъ Бреста сообщаетъ Фламмаріону слѣдующее:

„Братъ мой служилъ съ 1870 до 1874 года въ Фучецскомъ арсеналѣ, въ Китаѣ, надсмотрщикомъ механикомъ. Одинъ изъ его друзей, также механикъ и сослуживецъ на Фучецскомъ арсеналѣ, землякъ его, приходитъ однажды къ моему брату утромъ и рассказываетъ ему слѣдующее: „Я пораженъ скорбію, дорогой мой другъ; въ эту ночь я видѣлъ во снѣ, что мой маленькій ребенокъ умеръ отъ крупа, умеръ на красномъ пуховомъ одѣялѣ“. Братъ мой засмѣялся надъ его довѣрчивостью, заговорилъ о кошмарѣ, и чтобы разсѣять его впечатлѣніе, пригласилъ своего друга на обѣдъ. Но ничего не могло развлечь его: по его мнѣнію, его ребенокъ былъ мертвъ“.

„Первое письмо, которое онъ получилъ изъ Франціи послѣ этого разказа, и которое было отъ его жены, увѣдом-

ляло его о смерти его ребенка, умершаго отъ крупа въ тяжелыхъ страданіяхъ, и, странное совпаденіе, умершаго на красномъ пуховомъ одѣялѣ, въ ту самую ночь, когда онъ видѣлъ свой сонъ“¹⁾).

За тысячи верстѣ человекъ видитъ во снѣ всѣ подробности смерти своего малютки! Никакая связь представленій, никакія настроенія и мысли, занимавшія этого человекъ до сна, не объясняютъ этихъ подробностей: смерть именно въ эту ночь, именно отъ крупа, и даже именно на красномъ пуховомъ одѣялѣ! Какое объясненіе можно примѣнить здѣсь, кромѣ одного, что душа наша обладаетъ какой-то таинственной способностью познанія безъ внѣшнихъ чувствъ, не стѣсняясь ни временемъ, ни пространствомъ? Но все же въ приведенномъ фактѣ есть мѣсто для родственной связи и на нее можно многое возложить въ объясненіи непонятнаго. Въ такомъ случаѣ вотъ фактъ, гдѣ нѣтъ никакой родственной связи или любви, и тѣмъ не менѣе поразительный по степени и точности ясновидѣнія. Фламмаріонъ передаетъ слѣдующее сообщеніе Марсея Семезье-Серизоля изъ книги этого послѣдняго, вышедшей въ 1895 году и озаглавленной „Психологія знанія“.

„Это было 18 декабря 1894 года—говоритъ названный авторъ. Во снѣ вижу я—одинъ нотаріусъ, который жилъ въ маленькомъ городкѣ, верстахъ въ 20 отъ того города, гдѣ жилъ тогда я, дѣлаетъ справки въ дѣлахъ въ своей конторѣ. Нужно сказать, что у этаго нотаріуса были мои капиталы, и обычно онъ являлся ко мнѣ безъ регулярныхъ сроковъ разъ или два въ году, принося мнѣ проценты по истекшимъ срокамъ. Повторяю—его визиты не имѣли никакихъ опредѣленныхъ сроковъ, и этого нотаріуса—человекъ очень почтеннаго, въ генеральскомъ чинѣ, въ должности мэра, имѣвшаго знаки отличія, я никогда не видѣлъ иначе, какъ только одѣтымъ строго-прилично и почти элегантно. Въ эту же ночь, 18 декабря 1894 года, я вижу, но во снѣ, одѣтымъ въ длинный синій сюртукъ и съ черной шелковой скуфейкой на головѣ. И вотъ, чрезъ день, 20 декабря, по утру, этотъ нотаріусъ явился въ мой рабочій кабинетъ и принесъ мнѣ просроченную и неожиданную сумму“. „Ну, а что же

¹⁾ Тамъ же, стр. 414.

Вы съ Вашимъ синимъ сюртукомъ и черной шелковой скуфейкой“? сказалъ я ему.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ самымъ живымъ изумленіемъ и отвѣтилъ мнѣ:

— „Но какимъ образомъ Вы такъ хорошо знаете мой домашній костюмъ“?

Я рассказалъ ему свой сонъ, и тогда онъ признался мнѣ, что дѣйствительно 18 декабря онъ очень поздно занимался въ своей конторѣ и былъ одѣтъ въ одежду, описанную мною¹⁾. Какъ ни поражаетъ такое прозрѣніе, все же наша мысль находить еще здѣсь нѣкоторую возможность дать объясненіе. Можетъ быть, этотъ нотаріусъ, сидя поздно ночью въ своей конторѣ, справлялся съ дѣлами своего довѣрителя, спавшаго въ это время мирнымъ сномъ за 20 верстъ разстоянія, думалъ о немъ, и можетъ быть думалъ усиленно, такъ какъ сумма, подлежащая полученію, была просрочена и, какъ довѣритель признается, для него даже неожиданна. Такъ или иначе, но мысль одного доходила до другого, и этотъ таинственный душевный телеграфъ былъ наведенъ, и какъ ни удивительно прозрѣніе такихъ подробностей въ костюмѣ нотаріуса, которыя можно было узнать побывъ лишь на мѣстѣ, но все же здѣсь есть одновременность по крайней мѣрѣ, т. е., одинъ человекъ видитъ во снѣ другого въ опредѣленное время, въ которое тотъ и дѣйствительно находился тамъ и такъ, какъ его видятъ. Но что же сказать о такихъ снахъ, которые предвидятъ будущее, о снахъ вѣщихъ. Вотъ фактъ, передаваемый Фламариономъ изъ недавняго прошлаго, и фактъ историческій.

„Княгиня Конти видитъ въ одну ночь во снѣ, что одна изъ комнатъ ея дворца готова обрушиться, и ея дѣтямъ, которыя спали въ той комнатѣ, грозитъ опасность быть погребенными подъ развалинами. Картина, представившаяся ея воображенію, взволновала ея сердце и всю ея кровь. Въ ужасѣ она сразу пробудилась и позвала женщинъ, которыя спали въ гордеробной. Тѣ пришли на крикъ, ожидая приказаній своей госпожи. Она рассказала имъ свое видѣніе и объявила, что рѣшительно желаетъ, чтобы ей принесли ея дѣтей. Женщины возражаютъ ей старинной поговоркой,

¹⁾ Тамъ же, стр. 488.

что сны—лживы („*tous songes sont mensonges*“). Княгиня повторила свое приказаніе съ настойчивостью. Гувернантка и кормилицы показали видъ, что слушаются, а сами воротились и сказали, что молодые князья спокойно спятъ, и тревожить ихъ сонъ было бы дѣйствительно убійственнымъ. Видя ихъ упорство, а можетъ быть и обманъ, княгиня строго потребовала свое платье. Отказываться больше не было предлога: пошли за князьями и едва они были въ комнатѣ матери, какъ комната, гдѣ они спали, обрушилась¹⁾.

Если сказать, что материнскій инстинктъ любви удесятириль чуткость ощущеній княгини Конти, и она уже слышала и чувствовала начавшееся разрушеніе комнаты, гдѣ спали ея дѣти, то и этимъ объясненіемъ ничего не устраняется изъ убѣжденія, что душа человѣка обладаетъ прозорливостью, превышающею всякую дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, ибо что же такое, какъ не прозорливость, представляетъ собою возможность знать то, что еще не совершилось? Допустимъ, что княгиня Конти могла уже слышать и чувствовать начавшееся разрушеніе комнаты; но развѣ она не могла подумать, что она ошибается, что этотъ легкій, ничкѣмъ еще не слышимый трескъ происходитъ отъ высыханія стѣнъ комнаты, отъ забравшейся мыши, отъ лѣзущаго куда-нибудь вора, отъ движеній и дыханія ея собственныхъ дѣтей и т. д. Почему же непременно выбирается одна причина, и притомъ съ такою увѣренностью? Наконецъ, если будущее, которое прозрѣла княгиня, было еще очень близкое къ настоящему, то не мало есть фактовъ, гдѣ время исполненія того, что предчувствовала душа, отодвигается на значительное разстояніе. Такъ Фламмаріонъ передаетъ на этотъ счетъ интересный разговоръ бывшаго судьи, а нынѣ депутата ф. п., М. Берара, опубликованный имъ въ журналѣ *Revue des Revues* отъ 15 сентября 1895 года.

„Тому минуло, говоритъ г. Бераръ, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. Я только что кончилъ длинное и трудное разслѣдованіе одного ужаснаго преступленія, наведшаго на все окрестное населеніе ужасъ: днемъ и ночью, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, и во снѣ и на яву, я только и видѣлъ, что трупы, кровь и убійцы.

¹⁾ Тамъ же, стр. 489.

Будучи все еще подъ впечатлѣніемъ этихъ кровавыхъ воспоминаній, я отправился отдохнуть на воды въ одинъ маленькій городокъ, который словно спитъ въ глубинѣ нашихъ, одѣтыхъ зеленью, горъ, тихій, спокойный, грустный, безъ шумящихъ казино, безъ крикливыхъ ночныхъ дилижансовъ.

Ежедневно я бродилъ по лѣсамъ, заросшимъ дубомъ, букомъ, ясенемъ, а также и громадными елями. Одинъ разъ, во время такихъ прогулокъ, я окончательно сбился съ дороги, потерявши изъ виду высокія горныя вершины, по которымъ я привыкъ находить направленіе къ моей гостинницѣ. Къ ночи я выбрался изъ лѣса на пустынную дорогу, которая шла по узкому ущелью между двумя высокими горами. Спускъ былъ крутой, и въ ущельѣ, въ сторонѣ отъ дороги, помѣстился маленькій ручеекъ множествомъ каскадовъ падавшій со скалъ на равнину. Съ двухъ сторонъ дороги темный лѣсъ, молчаливый до безконечности.

Дорожный столбъ показывалъ, что городъ находился въ разстояніи около 10 верстъ; это и была моя дорога. Но измученный шестичасовой ходьбой и изнуренный сильнымъ голодомъ, я хотѣлъ бы сейчасъ и пообѣдать и добраться до ночлега.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, бѣдная уединенная гостинница, настоящій привалъ для извозчиковъ, показывала свою изъѣденную червями вѣвѣску съ надписью: „Для свиданія друзей“. Я вошелъ.

Единственная зала была дымная и темная; меня встрѣтили хозяинъ-геркулесовскаго сложенія, съ непріятнымъ лицомъ желтаго цвѣта, и жена его, маленькая, черная, почти въ отрепьяхъ, съ косыми и угрюмыми глазами.

Я спросилъ поѣсть и, если можно, ночлегъ. Послѣ очень дурного ужина, подъ подозрительнымъ и странно испытующимъ взглядомъ хозяина, въ тѣни жалкой лампы, очень дурно освѣщающей, но взамѣнъ того распространяющей дымъ и отвратительный запахъ, я послѣдовалъ за хозяйкой, которая провела меня по длинному корридору и прочной лѣстницѣ въ оборванную комнату, расположенную надъ конюшней. Хозяинъ, его жена и я были, конечно, одни въ этой лачугѣ, затерявшейся въ лѣсу, далеко отъ всякаго жилья.

Моя привычка—предполагать худое: такова уже моя профессія, что она заставляетъ меня думать о преступленіяхъ и возможныхъ убійствахъ. Замкнувши дверь на ключъ, я заботливо осмотрѣлъ комнату, кровать, или, скорѣе, одръ; два хромыхъ стула и въ глубинѣ комнаты дверь, она вела къ нѣкотораго рода лѣстницѣ, спускавшейся въ пустоту. Къ этой двери, чтобы задержать ее на случай, если бы кто попытался отворить ее извнѣ, я придвинулъ деревянный бѣлый столикъ съ разбитой чашечкой для туалета и рядомъ со столикомъ поставилъ одинъ изъ двухъ стульевъ, такимъ образомъ, дверь нельзя было открыть, не сдѣлавши шума. А затѣмъ я легъ.

Послѣ такого дня, можно думать, я заснулъ крѣпко. Вдругъ я сразу проснулся: мнѣ показалось, что дверь отворили, и отворяя, двинули столомъ; я былъ увѣренъ даже, что сквозь щелку замка замѣтилъ мерцаніе лампы, не то фонаря или подсвѣчника. Какъ обезумѣвшій, я вскочилъ пробудившись и закричалъ: „кто тамъ“? Ничего: тишина и полный мракъ. Должно быть померещилось: я былъ предметомъ странной иллюзіи.

Долго я оставался безъ сна, будто находясь въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Но усталость взяла верхъ надъ страхомъ, и я заснулъ тяжелымъ сномъ, прерываемымъ кошмарами.

Во снѣ вижу я эту комнату, въ которой я былъ, и на кровати себя или кого другого—не знаю. Открывается потайная дверь, входитъ хозяинъ гостинницы съ длиннымъ ножомъ въ рукѣ; позади его, на порогѣ двери, стоитъ его жена, грязная, въ отрепьяхъ, закрывая своими черными пальцами свѣтъ фонаря; хозяинъ гостинницы приближается волчьимъ шагомъ къ кровати и вонзаетъ ножъ въ сердце спящаго человѣка. Затѣмъ они понесли трупъ — мужъ за ноги, жена за голову, и спустились по узкой лѣстницѣ. И вотъ интересная подробность: мужъ держитъ въ зубахъ фонарь за тонкое кольцо, и убійцы спустились по кривой лѣстницѣ при тускломъ свѣтѣ фонаря. Въ страхъ я сразу проснулся: на лбу холодный потъ. Черезъ растворенныя ставни въ комнату вливались лучи августовскаго солнца: это, безъ сомнѣнія, и былъ свѣтъ фонаря. Хозяйку гостинницы я увидѣлъ одну, безъ ея мужа, молчаливую, мрачную. Словно

изъ ада, вырвался я изъ этой мерзкой гостинницы на большую пыльную дорогу, вздохнулъ чистымъ воздухомъ елей, подъ блестящимъ солнцемъ, при крикахъ птицъ надъ головою.

О моемъ снѣ я больше не думалъ. Спустя три года, въ одномъ журналѣ я прочиталъ приблизительно слѣдующую замѣтку: „Дачники и жители города X. очень взволнованы внезапнымъ и непонятнымъ исчезновеніемъ адвоката Виктора Арно, который, отправившись восемь дней назадъ, для прогулки на нѣсколько часовъ на гору, не вернулся болѣе въ свою гостинницу. Жители теряются въ догадкахъ объ этомъ невѣроятномъ исчезновеніи“.

Не знаю, по какой странной связи представленій, мнѣ пришелъ на память мой сонъ въ гостинницѣ, но только эта связь еще сильнѣе укрѣпилась въ моемъ сознаніи послѣ того, какъ спустя три дня, тотъ же журналъ принесъ мнѣ слѣдующія строки: „отчасти напали на слѣдъ Виктора Арно. Вечеромъ 24 августа, одинъ извозчикъ видѣлъ его въ уединенной гостинницѣ, носящей названіе „Для свиданія друзей“. Онъ собирался провести тамъ ночь. Допрошенъ хозяинъ гостинницы, человѣкъ съ самой подозрительной репутаціей, сохраняющій до сихъ поръ молчаніе о своемъ посѣтителѣ. Онъ утверждаетъ, что тотъ ушелъ отъ него въ тотъ же вечеръ и не ночевалъ у него. Не смотря на это утверженіе, странные слухи начинаютъ ходить по округѣ. Говорятъ о другомъ путешественникѣ, англичанинѣ, исчезнувшемъ шесть лѣтъ назадъ. Съ другой стороны, маленькая пастушка утверждаетъ, что видѣла 26 августа, какъ хозяйка гостинницы бросила въ спрятанную подъ деревьями лужу окровавленную одежду. Здѣсь скрыта какая-то тайна, которую хорошо было-бы раскрыть“.

Я не удержался дальше, и, захваченный какой-то силой непреодолимой, говорившей мнѣ, наперекоръ мнѣ самому, что мой сонъ сталъ страшною дѣйствительностью, отправился въ тотъ городъ.

Власти, освѣдомленные о дѣлѣ черезъ общее мнѣніе, вели слѣдствіе безъ опредѣленныхъ данныхъ. Я попалъ въ кабинетъ моего коллеги — слѣдственнаго судьи въ тотъ самый день, когда онъ выслушивалъ показаніе моей бывшей хозяйки по гостинницѣ. Я попросилъ у него позволенія остаться въ его кабинетѣ при этомъ показаніи.

Когда вошла эта женщина, она не узнала меня, даже не обратила никакого вниманія на мое присутствіе. Она рассказала, что дѣйствительно путникъ, который по описанію походилъ на Виктора Арно, приходилъ 24 августа вечеромъ въ ея гостинницу, но на ночь тамъ не оставался. „Впрочемъ, добавила она, въ гостинницѣ два номера, и въ ту ночь оба они были заняты двумя извозчиками, уже опрошенными на слѣдствіи и подтвердившими этотъ фактъ“.

„А третій надъ конюшней“? воскликнулъ я, неожиданно перебивши ее.

Содержательницу гостинницы передернуло, и, какъ будто внезапно пробудившись, она, кажется, узнала меня. А я, словно, вдохновенный, съ увѣренною спѣшностью продолжалъ: „Викторъ Арно легъ спать въ этой третьей комнатѣ ночью. Вы съ мужемъ пришли. Вы держали фонарь, онъ—длинный ножъ. Вы вошли по лѣстницѣ изъ конюшни, отперли потайную дверь, что ведетъ въ эту комнату. Вы сами остановились на порогѣ двери, а Вашъ мужъ пошелъ зарѣзать путника, чтобы украсть его часы и кошелекъ“.

Я рассказывалъ свой сонъ отъ трехъ лѣтъ назадъ. Съ изумленіемъ слушалъ меня мой коллега; что же касается этой женщины, то она въ ужасѣ, съ чрезмѣрно раскрытыми глазами, съ стучащими отъ страха зубами, какъ бы окаменѣла.

А я продолжалъ: „затѣмъ вдвоемъ Вы взяли трупъ, Вашъ мужъ держалъ за ноги. Вы спустили его по лѣстницѣ. Что бы свѣтить, мужъ несъ въ зубахъ фонарь за кольцо“.

Тогда вся въ страхѣ, блѣдная, съ подкашивающимися ногами, эта женщина произнесла: „Значить, Вы все видѣли“? И послѣ того, озлобленная, отказываясь подписать свое показаніе, она замкнулась въ полную нѣмоту.

Когда мой коллега прочиталъ мой рассказъ ея мужу, онъ, будучи увѣренъ, что онъ выданъ женой, вскричалъ съ страшными проклятіями: „А, гадина, она расплатится со мной за это“!

Итакъ мой сонъ былъ вполне вѣренъ и сталъ мрачной и страшной дѣйствительностью.

Въ конюшнѣ гостинницы, подъ густымъ слоемъ навоза, нашли трупъ несчастнаго Виктора Арно, а рядомъ съ нимъ человѣческія кости, можетъ быть, того англичанина, кото-

рый исчезъ шесть лѣтъ назадъ при столь же таинственныхъ условіяхъ“ 1).

Передавъ это сообщеніе бывшаго судьи, Фламмаріонъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою примѣръ вѣщаго сна во всей его красотѣ. И дѣйствительно, простое и случайное совпаденіе не могло бы повидимому объяснить такихъ подробностей злодѣйскаго поступка въ гостинницѣ, гдѣ имѣлъ остановку рассказчикъ, какія были видимы имъ во снѣ. Безспорно, что и объяснить здѣсь что-либо относительно самой возможности прозрѣнія напередъ, въ будущее, а еще больше относительно способа этого прозрѣнія—чрезвычайно затруднительно. Какимъ образомъ можетъ быть видно будущее? Развѣ оно уже опредѣлено, и не можетъ совершиться иначе, чѣмъ какъ совершается! Или, переводя эти мысли на философскій языкъ, развѣ можно признавать фатализмъ въ развитіи жизни и міра? Какъ ни интересны эти вопросы, но, въ виду строго опредѣленнаго предмета настоящей замѣтки, мы не можемъ имъ специально заняться, тѣмъ болѣе, что эти вопросы, при самой легкой ихъ разработкѣ, составили бы особое благодарное изслѣдованіе, скажемъ только одно: развѣ будущее, становясь постепенно настоящимъ, возвращается когда-либо съ своего уже опредѣлившагося пути, или, другими словами, развѣ есть два будущихъ? Не одно ли оно, ибо становясь прошедшимъ, развѣ можетъ оно снова стать не бывшимъ и снова ожидать, какъ будущее, чтобы совершиться уже по новому пути?!

На эти вопросы возможенъ лишь одинъ отрицательный отвѣтъ, и съ этой стороны возможность прозрѣнія будущаго душой человѣка не является чѣмъ-либо абсурднымъ. Гораздо труднѣе вопросъ о способахъ и путяхъ этого прозрѣнія. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній здѣсь объяснить можно слишкомъ мало, и именно, можно лишь указать, что прозрѣніе будущаго составляетъ для всякаго человѣка и въ повседневной жизни необходимую задачу и обычное явленіе. Чтобы правильно вести домашнее хозяйство, нужно предвидѣть многія вещи за годъ и больше. Чтобы вести какое-либо общественное или государственное дѣло, предвидѣніе требуется еще больше, и разумность всякаго

1) Тамъ же, стр. 512—516.

предпріятія, собственно говоря, зависить всегда отъ того, хорошо-ли было предвидѣно будущее. Не говорено-ли было и въ притчѣ, что человѣкъ, построившій домъ на пескѣ, получилъ плохой удѣлъ отъ своихъ трудовъ потому именно, что не предусмотрѣлъ будущаго (Мѣ. VII, 26—27). И, дѣйствительно, предвидѣніе будущаго многими достигается, хотя, конечно, въ разныхъ степеняхъ ясности, вѣрности и дальности по времени. Докторъ предвидитъ развязку болѣзни, мужъ государственный предвидитъ паденіе или возрожденіе государства, земледѣлецъ предвидитъ погоду и урожай, мужъ духовной строгости и чистоты предвидитъ нравственные перевороты въ жизни и отдѣльныхъ лицъ и общества. И если все эти и подобныя предвидѣнія являются плодомъ, такъ сказать, дневнаго, сознательнаго размышленія, то отчего нельзя думать, что и во снѣ, при полномъ просторѣ дѣятельности бессознательныхъ родниковъ душевной жизни, результаты предвѣдѣнія не могутъ быть иногда точными и вѣрными? Конечно, для насъ еще не понятно такое несознательное постиженіе, постиженіе цѣльной души, такъ сказать, а не по образу дневныхъ выкладокъ и расчетовъ: но мало-ли еще для насъ непонятнаго въ природѣ нашей и всей вселенной? Такимъ образомъ, и у сновидѣній нельзя отнимать нѣкотораго значенія въ смыслѣ указанія на возможное будущее, хотя, конечно, нельзя имъ слѣпо и вѣрить, какъ нельзя слѣпо вѣрить и всемъ сознательнымъ расчетамъ и предразсчисленіямъ. Истина дается человѣку нескоро и не сразу, а лишь путемъ долгихъ исканій и ошибокъ.

Таковы факты телепатіи, т. е. способности человѣка чувствовать и знать безъ обычныхъ внѣшнихъ посредствъ зрѣнія, слуха и осязанія, и притомъ въ предѣлахъ, не стѣсненныхъ пространствомъ и временемъ. Проливаютъ ли эти факты сколько-нибудь новаго свѣта на дорогіе для насъ старыя вопросы о томъ, существуетъ ли отдѣльная отъ тѣла душа наша, и каковы ея силы и способности? Въ правѣ ли холодный скептическій разумъ съ презрѣніемъ смотрѣть на психологію, низводя ее до физиологіи, или пора ему задуматься надъ вопросомъ, можетъ ли одна физиологія объяснить все въ нашей душевной жизни? Отвѣтъ на эти вопросы, кажется, понятенъ. Фламмаріонъ, разсмотрѣвшій въ

вышеназванной своей книгѣ 186 присланныхъ ему сообщеній объ извѣстіяхъ умирающихъ, полученныхъ въ бодрственномъ состояніи, 70 такихъ же извѣщеній, полученныхъ во снѣ, 57 сообщеній объ опытахъ передачи мысли безъ посредства зрѣнія, слуха и осязанія, 49 сообщеній о случаяхъ ясновидѣнія, на разстояніи во снѣ и въ состояніи искусственнаго усыпленія или сомнабулизма и 76 сообщеній о вѣщихъ снахъ и предвидѣніи будущаго, по обсужденіи и провѣркѣ этихъ сообщеній, дѣлаетъ изъ разсмотрѣнія ихъ слѣдующіе выводы:

1., Душа существуетъ какъ независимое отъ тѣла реальное существо:

2., Она одарена неизвѣстными еще наукѣ способностями;

3., Она можетъ дѣйствовать и чувствовать на разстояніи, безъ посредства внѣшнихъ чувствъ; и

4., Она можетъ иной разъ предвидѣть будущее, такъ какъ оно вслѣдствіе опредѣляющихъ его причинъ предопредѣлено ¹⁾.

Не касаясь вопроса о предопредѣленности будущаго, смѣло можно сказать, что факты телепатіи вполне позволяютъ сдѣлать приведенныя заключенія. Всѣ эти факты сводятся къ тому, что наша душа имѣетъ способность чувствовать и дѣйствовать на разстояніи, безъ необходимости непосредственнаго соприкосновенія съ предметомъ ощущаемымъ или воздѣйствуемымъ. Но именно это-то свойство и составляетъ отличительную способность нашей души, какъ живаго самосознательнаго „Я“. Два — главныхъ проявленія душевной жизни — мысль и воля — именно имѣютъ эти свойства дѣйствовать независимо отъ времени и пространства. Мысль беретъ предметы для себя изъ сферъ и близкихъ и отдаленныхъ, и прошедшихъ и будущихъ, и дѣйствительныхъ и возможныхъ: какъ нѣчто общее и самодовлѣющее (не разсматриваемое въ частныхъ условіяхъ особаго лица, мѣста и времени). Мысль выше времени и пространства. Такова же и воля: если она свою энергію направила на тотъ или другой предметъ, то далеко ли онъ, или близко, находится ли онъ въ близкомъ будущемъ, или въ очень отдаленномъ — для нея безразлично, для нея, какъ и для мысли, важно самое содержаніе, самый объектъ энергіи. Что касается третьяго,

¹⁾ Тамъ же, стр. 581.

обычно указываемаго психологіей, элемента душевной жизни, именно чувствованій, то повѣйшая психологія справедливо признаетъ за нимъ не самостоятельный, а лишь сопутствующій характеръ: въ живомъ организмѣ индивидуумъ всякій актъ мысли и воли сопровождается такимъ или инымъ чувствованіемъ. Такимъ образомъ, душевная энергія въ главныхъ своихъ проявленіяхъ отличается тѣми особенностями, на которыхъ указываютъ и факты телепатіи. Но насколько анализъ актовъ мысли и воли не всякому доступенъ, такъ какъ требуетъ извѣстнаго философскаго навыка, а потому не для всякаго можетъ быть убѣдительнымъ въ вопросѣ о самобытномъ существованіи души, настолько выигрываютъ въ этомъ отношеніи примѣры и доказательства изъ области телепатіи. Здѣсь проявленіе безтѣлесной мыслящей силы становится какъ бы очевиднымъ: тѣхъ тяжелыхъ матеріальныхъ преградъ, какія ставитъ тѣлу нашему пространство и время, для этой силы какъ бы и не существуетъ, и эта тонкость, легкость, независимость отъ тѣла, воплотившись въ видимыхъ фактахъ, становится ясной и убѣдительною и для скептика.

Такъ успѣхи повѣйшихъ знаній не всегда идутъ лишь къ отверженію старыхъ, но дорогихъ для человѣка идеаловъ и вѣрованій, въ числѣ которыхъ признаніе въ человѣкѣ души, какъ живой нематеріальной силы, занимаетъ по праву одно изъ первыхъ мѣстъ.

Сергій Булюкинъ.

Холмъ. Люб. г.
1901. III. 22.
